

#8 (24), 2017 część 2

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w

Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze

wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo

publikowane jest w języku polskim, angielskim,

niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego
miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz
czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej
czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet
Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet
Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet
Jagielloński)

Kolub Frennen (University of
Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet
Warszawski)

#8 (24), 2017 part 2

East European Scientific Journal

(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The
journal is registered and published in Poland.

Articles in all spheres of sciences are published in the

journal. Journal is published in **English, German, Polish**

and Russian.

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the
journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet
Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet
Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet
Jagielloński)

Kolub Frennen (University of
Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet
Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Po-
land

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Кабдусова Д.Е. СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ.....	4
--	---

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Babenkova E.V., Myrdasov A.A. QIGONG JAKO ŚRODEK ZWIĘKSZENIA MOŻLIWOŚCI ADAPTACYJNYCH OBYWATELI DOROSŁOŚCI	9
---	---

Голованов С.А., Кулькова И.В., Расулов М.М. КОРРЕКЦИЯ ФИТНЕСОМ ЗДОРОВЬЯ МУЖЧИН ПРИ ЗАБОЛЕВАНИИ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ И АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТОНИЕЙ.....	13
---	----

Tamozhska I. V. THE RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE ACTIVITY OF THE SCIENTIFIC AND PEDAGOGIC STAFF AT THE MEDICAL SCHOOL OF KHARKIV UNIVERSITY (1884 – 1900).....	15
--	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Lytvyn A. LINGUOCULTURAL PARAMETERS OF ENGLISH INNOVATIVE VOCABULARY IN THE FIELD OF SPORTS AND TOURISM	19
--	----

Божко О.С. КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ АТМОСФЕРИ САСПЕНС ЖАНРУ ХОРРОР.....	23
---	----

Kalandarov A.R. GENERAL PECULIARITIES OF COMPARATIVENESS IN UZBEK LANGUAGE	30
--	----

Волик Н.А. МОДИФИКАЦИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЖАНРА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЫ В ПОЭЗИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА XVIII ВЕКА.....	33
---	----

Анохина В.С. РЕЧЕВОЕ ЛИДЕРСТВО В СЕМЬЕ: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ	40
---	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Купарашвили М.Д. МАТЕРИНСТВО – НЕВИДИМАЯ ПРОБЛЕМА.....	44
--	----

Тетиор А. Н. ВЕЛИКИЙ А.С. ПУШКИН: ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ.....	50
---	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мандыч А.В., Рыжикова Н.И. ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АГРАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	58
---	----

Мельников М.А. СТЕЙКХОЛДЕРЫ В АНТИКРИЗИСНОМ УПРАВЛЕНИИ: РЕАКТИВНЫЙ И ПРОАКТИВНЫЙ ПОДХОД.....	61
---	----

Нісходовська О.Ю. ОСНОВНІ ПІДХОДИ ДО ФОРМУВАННЯ ІНКЛЮЗИВНОЇ МОДЕЛІ ПІДПРИЄМНИЦТВА ВИРОБНИКІВ ГРЕЧКИ	64
--	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кравченко К.С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ.....	68
--	----

Kal taroqni yaxshi ko'rganidek, bu xomkalla bahs-munozarani yaxshi ko'radi (MChA, 31).

Suv qalqisa loyqasi yuqoriga chiqqanday, zamon qalqiganidan buyon yomon ko'paydi (O'HN, 80).

In this situation the conjunctions "kabi, singari" can also be used instead of the suffix "-day (dek)". As for the proportional words "qanday –shunday, qancha –shuncha", one of them takes part in the composition of the principle clause and the other in the adverbial clause. For example:

Fayzullaning yuzida qanday ma'yuslik paydo bo'lgan bo'lsa, hozir ham o'shanday bir iroda bor edi (O'HN, 46).

Yosh bola bilmagan narsaga qanchalik qiziqsa, kap-katta odam ham shunchalik intilaveradi (O'HN, 53).

The tool "deganlaridek" expressing comparativeness is originally close to a sentence in which the subject is missing i.e. it is used in the meaning "ular deganlaridek" and it actively participates in linking an adverbial clause of comparison with a principle clause and always separated by a comma from principal and subordinate clauses. For example:

Mol egasiga o'xshamasa xarom o'ladi, deganlariday, Muhiddin ehtiyotkorlikda xo'jasidan qolishmaydi (TMQ, 23).

Olmoqning bermog'i bor, deganlariday, javob vizitlari ham bo'lib turadi (O'HN, 93).

Comparative conjunctions "go'yo, go'yoki" and identifying particles "huddi, naq" [2, 214] can also be used in the sentences in which comparativeness is expressed. But comparativeness can be expressed without them. That's why they are not included into the main means expressing comparativeness. They only serve to emphasize the meaning. For example:

Tol shoxlari huddi birov silkitayotganday silkinardi. – Tol shoxlari birov silkitayotganday silkinardi (O'HN, 58).

Asadulla qorong'ilikda gangib qoldi, go'yo qorong'ilik uning vujudini qoplaganday. – Asadulla qorong'ilik uning vujudini qoplaganday qorong'ilikda gangib qoldi (TMQ, 85).

Conclusion

The occurrence of the process of comparativeness of two objects in the micro fields of similarity and dissimilarity is considered as a common character in English and Uzbek languages. But the ways of expression of this category are different in these languages. In English comparativeness is expressed only in a lexical way. But in Uzbek this category is expressed in three ways – in a lexical, morphological and syntactical ways. Words are used in the lexical expression of comparativeness and suffixes participate in the morphological expression of comparativeness whereas sentences take part in the syntactical expression of comparativeness. In this situation this adverbial clause of comparison is considered as means of expressing comparativeness.

List of used literatures:

scientific sources:

1. Mirzaev M., Usmonov S., Rasulov I. O'zbek tili. – Tashkent: O'qituvchi, 1978. – 256 p.
2. Tursunov U., Muxtorov J., Raxmatullaev Sh. Hozirgi o'zbek adabiy tili. – Tashkent: O'qituvchi, 1975. – 260 p.
3. O'zbek tili grammatikasi (Grammar of Uzbek language). Volume I, – Tashkent: Fan, 1975. – 612 p.
4. O'zbek tili grammatikasi (Grammar of Uzbek language). Volume II, – Tashkent: Fan, 1976. – 560 p.
5. Qilichev E. Hozirgi o'zbek adabiy tili. – Bukhara: Bukhara State University Publishing House, 2001. – 228 p.

literal sources

- MA – Mirmuhsin. Asarlar: 4 volumes. Volume 3. Me'mor: Chotqol yo'lbarisi. – Tashkent: Adabiyot va san'at, 1982. – 736 p.
- MChA – Mirmuhsin. Chodrali ayol: Afg'on qissasi. – Tashkent: Adabiyot va san'at, 1980. – 120 p.
- TMQ – Malik Tohir. Qaldirg'och. (novel) – Tashkent: Yosh gvardiya, 1987. – 240 p.
- O'HN – Hoshimov O'tkir. Nimadir bo'ldi...: Stories. – Tashkent: Adabiyot va san'at, 1976. – 112 p.

Volik N.A.

*Senior Lecturer at the Department
of Russian Philology and Translation,
Mariupol State University*

Волик Наталия Анатольевна
*старший преподаватель
кафедры русской филологии и перевода,
Мариупольский государственный университет*

MODIFICATION OF RHETORICAL MODEL OF GENRE OF THE SOLEMN ODE TO THE POETRY OF G. R. DERZHAVIN IN THE 18TH CENTURY МОДИФИКАЦИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЖАНРА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЫ В ПОЭЗИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА XVIII ВЕКА

Summary: The article is devoted to the odd poetry of G.R. Derzhavin in the context of the rhetorical age of the XVIII century. Examples of modification of the rhetorical model of the solemn ode genre in Derzhavin's oeuvre are given. A comparative analysis of theoretical prescriptions for the odic genre in Derzhavin's "Discourse" and the directions of his precursors is carried out.

Key words: modification, genre rhetorical model, solemn ode, panegyric, genre synthesis.

Аннотация: В статье рассматривается одическая поэзия Г.Р. Державина в контексте риторической эпохи XVIII столетия. Приведены примеры модификации риторической модели жанра торжественной оды в творчестве Державина. Проводится сопоставительный анализ теоретических предписаний к одическому жанру в «Рассуждении» Державина и руководствах его предшественников.

Ключевые слова: модификация, жанровая риторическая модель, торжественная ода, панегирик, жанровый синтез.

Постановка проблемы. Исследование одического творчества Ф. Прокоповича, В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, с точки зрения влияния риторической культуры XVIII столетия на его становление и развитие, свидетельствует о возникновении определенной жанровой модели торжественной оды. Характерными чертами русской торжественной оды второй половины XVIII века можно назвать хвалебный характер, традиционно высокую стилистику, циклическую композицию, определенный набор одических топов, выражение лирического восторга и ораторскую направленность. Однако нельзя утверждать, что модель торжественной оды была унифицирована, напротив, появляются ее авторские жанровые вариации, а затем и модификации.

Творчество Державина следует рассматривать под углом длительного и уверенного ухода от влияния риторик к созданию собственного теоретического руководства. Только В.К. Третьяковский, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков теоретизировали параллельно с литературными опытами, а Державин прокладывал путь к своему «Рассуждению» через разнообразные лирические опыты. Именно поэтому нельзя утверждать, что риторика XVIII века не оказала влияния на видоизменение жанра оды в его творчестве, а, напротив, некоторые классицистические правила вызвали эффект противодействия, которое и воплотилось в его поэтико-риторическом пособии. Наш интерес вызывает видоизменение (модификация) ораторского жанра торжественной оды в поэзии Г.Р. Державина, которое проявляется в отходе от риторической жанровой модели или частичном отказе от нее.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованию поэзии Державина посвящены труды Г.А. Гуковского, И.З. Сермана, А.В. Запалова, Л.В. Пумпянского, Д.В. Ларковича, Ю.В. Стенник, С.С. Аверинцева, К.А. Афанасьевой, Н.Ю. Алексеевой, Т.Е. Абрамзон, А.Г. Масловой, Л.В. Поляковой, К.В. Ратникова и других. Несмотря на большую популярность литературного наследия поэта, среди исследователей нет единого мнения в отношении обновления и реформирования Державиным одической поэзии. Ряд ученых акцентирует внимание на индивидуализации поэзии Державина. Так, Н.Ю. Алексеева, говоря о творчестве Державина, отмечает, что «поэзия начала становиться выражением индивидуальности [1, с. 309]». А.В. Петров пишет об авторском переосмыслении истории в одах Державина. «В «общие места» пиндарической оды Державин вносит индивидуально-авторское содержание и новую меру историчности: объективный взгляд на установления и характер императора Павла I; трезвое понимание того, что лучше, чем во времена Екатерины, уже не

будет [2, с. 27]». Исследование Д.В. Ларковича раскрывает жанровое своеобразие поэзии Державина: «...авторская индивидуальность Г.Р. Державина наиболее ярко проявила себя в сфере жанротворчества, позволившего ему адекватно идентифицировать себя как оригинальную творческую личность на фоне предшествующей литературной традиции» [3, с. 10].

Как реформатор и новатор в области жанровой революции Державин предстает в исследованиях Г.А. Гуковского, Ю.В. Стенник, Д.В. Ларковича и Л.В. Поляковой. Г.А. Гуковский полагал, что Державин возглавил «жанровый переворот», который привел к «уничтожению жанрового классификационного мышления, характерного для середины XVIII столетия» [4, с. 199]. Ю.В. Стенник кладет в основу реформы Державина в области панегирической поэзии эстетическое основание: «Мерилом высшей ценности в системе поэтического мирозерцания Державина становится просто «человек», та норма представлений о его социальной природе, какую могла подсказать автору окружавшая его действительность» [5, с. 255]. Наконец, Ларкович пишет: «В результате синтетического взаимодействия нескольких «жанровых языков» (торжественной оды, литературной сказки, идиллии, сатиры, трагедии), вовлеченных в общую игровую стихию, возникло принципиально новое жанровое образование, получившее еще при жизни поэта определение «державинская ода...» [3, с. 18]. Л.В. Полякова характеризует Державина как «взорвавшего нормативные каноны классицизма, углубившего в поэзии психологизм, активно включившего в нее черты автобиографизма, наполнившего поэтическое творчество размышлениями о природе человека» [6, с. 23].

Среди исследователей поэзии Державина можно выделить несколько имен, не позиционировавших поэта как деятельного разрушителя. Например, С.С. Аверинцев отмечал неприятие Державином искусственных запретов, которые накладывал на жанр оды риторический канон: «Державин тоже был не против риторики. Кто-кто, а он знал в риторике толк... Но одной стороны риторики он принять не может – разделения вещей на возвышенные и низменные, безгласности к конкретному, житейскому» [7, с. 777]. А.А. Левицкий предлагал рассматривать «поэзию Державина <...> не как разрушение, а, напротив, завершение эстетических чаяний русских поэтов XVIII в.» [8, с. 47].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Лирическое творчество Г.Р. Державина традиционно считалось завершающим этапом в процессе перехода от риторической литературы классицизма к предромантической индивидуалистической литературе. Роль риторики в становле-

нии лирического жанра оды значительно ослабевает и с ней происходит ряд видоизменений, отразившихся в одах поэта. Как видно из предыдущего обзора исследований державинской поэзии, она часто соотносится с риторическими категориями, однако недостаточно внимания уделяется жанру торжественной оды Державина в соответствии с русскими риторическими руководствами XVIII ст., согласно которым можно говорить о нарушении или следовании автором жанровой риторической модели оды. **Целью нашего исследования** является сопоставительный анализ теоретических предписаний к одическому жанру в «Рассуждении» Державина и руководствах его предшественников («Поэтика» Прокоповича, «Рассуждение об оде» Третьяковского, «Риторика» Ломоносова), а также сравнение державинских од с данными теоретическими положениями, чтобы констатировать модификацию риторической модели торжественной оды Державина.

Изложение основного материала. Однако прежде чем говорить о модификации жанра торжественной оды в творчестве Г.Р. Державина, остановимся на сущности данного явления. Модификация представляет собой «видоизменение, преобразование, появление новых свойств. Модификации – качественно различные состояния или разновидности чего-либо» [9]. В основу жанровой модификации положена концепция творческой жанровой памяти М.М. Бахтина, согласно которой любой жанр склонен к развитию и самоактуализации. С.С. Аверинцев писал о направлении модификации категории литературного жанра как о предсказуемом процессе: «Сначала она, как все на свете, проходит фазу становления, делается определеннее (что совпадает с прогрессирующей дифференциацией конкретных жанров); затем присущая ей нормативная жесткость преодолевается, живой литературный процесс «ломает жанровые каноны» [10, с.101]. Мы говорим о модификации русской оды, так как она – жанр риторический, или, по словам Н.Д. Тамарченко, «канонический», то есть представляющий собой «очевидную вариацию воспроизводимого образца, так что русскому читателю второй половины XVIII – первой трети XIX в. не нужно было ничего анализировать, чтобы опознать в стихотворении того или иного автора оду или идиллию» [11, с. 364]. А.В. Кистанова также отмечала видоизменение одического жанра: «Развитие жанра повлекло за собой появление новых тематических, функциональных и жанровых модификаций, что затрудняет генологическую идентификацию произведений, превращая, казалось бы, жесткий одический канон в подвижную и открытую жанровую форму [12, с. 9]».

Теперь обратимся непосредственно к теоретическому трактату Г.Р. Державина и его поэтическому творчеству.

«Рассуждение» Державина представляет собой наиболее фундаментальный труд, посвященный жанру оды, среди риторических руководств и поэтик XVIII века. Автором данного руководства представлена история жанра оды в мировой литературе

от древности до современности, причем в сравнительно-историческом аспекте: Державин из-за отсутствия русской теоретической базы жанров опирается на западноевропейскую традицию (Ш. Батте, Зюльцер, Гецель.). При этом теория, изложенная Державиным, во многом нарушает ход привычных для русского классицизма канонов. Например, Западов В.А., который работал с ранее не опубликованными частями «Рассуждения», полагал, что «принципиальное провозглашение правомерности существования «различных вкусов» [13, с. 597] означает полнейший разрыв Державина со всеми нормативными поэтиками – как классицистической, так и сентименталистской. Это – утверждение принципа историзма, взятого в аспекте анализа и оценки определенного литературного явления – лирики» [14, с. 245].

О принципиальном нежелании поэта соблюдать четкие правила классицизма свидетельствует и тот факт, что риторический жанр оды, ранее в русской поэзии существовавший только в чистом виде, представлен Державиным в своем «Рассуждении» в виде французской «общежительной» и немецкой «смешанной» оды, снабженные преимущественно его собственными примерами. При этом «общежительные» оды вбирали в себя как анакреонтические, так и юнговские мотивы; могли быть «различного содержания: веселые, роскошные, задумчивые и печальные» [15, с. 295]. А «смешанные» являлись своего рода копией «общежительных», в которых «разность предметов производит разнообразие и рождает изобилие, оказывает остроту ума как молнию, от одного края неба до другого мгновенно устремляющуюся, что возбуждает удивление; но только тут весьма нужно здравомыслие, или логика. < > Внезапное же совокупление всех далеких и близких лучей, или околичностей, к одной точке есть верх искусства. Оно-то, потрясая душу, называется изящным или высоким» [15, с. 302]. Стирание межжанровых границ – один из главных признаков оды Державина.

Если сравнить одические черты, выделенные Державиным, с признаками классической оды (Прокоповича, Ломоносова, Сумарокова), опираясь на тексты риторических руководств, то мы обнаружим, что существует определенный набор постоянных черт, присущих данному жанру и находящихся свое отражение в теоретических трудах предшественников поэта:

1) Высокий слог. «Слогъ имѣють твердый, громкій, возвышенный, благородный», «никогда площадныхъ или простонародныхъ словъ себѣ не дозволяютъ» [13, с. 521 – 522].

2) Изобретение поэтического текста по закону общих риторических мест, которое находится в противоречии с принципом вдохновения: «въ превосходныхъ лирикахъ всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и пріятность въ себѣ имѣющее» [13, с. 523].

3) Высокость – «лирическое высокое заключается в быстром парении мыслей, в непрерывном представлении множества картин и чувств блестящих, громким, высокопарным, цветущим слогом выраженное, который приводит в восторг и удивление» [13, с. 537].

4) Метафоричность, витиеватость стиля.

5) Риторические вопросы, обращения.

6) Наставительность и поучительность.

К авторским, индивидуально переосмысленным жанровым особенностям оды относятся:

1) Державин в основе оды видит не материю (Тредиаковский), а только вдохновение, свободное от логических размышлений. «Въ прямомъ вдохновении нѣтъ ни связи, ни холоднаго разсуждения; оно даже ихъ убѣгаетъ и въ высококомъ парении своемъ ищетъ только живыхъ, чрезвычайныхъ, занимательныхъ представлений» [13, с. 523]. Отсюда, творческий подход к сочинительству, а не состоящий в четком следовании руководствам. «Она не наука, но огонь, жаръ, чувство» [13, с. 518] – пишет Державин об оде.

2) «Безпорядокъ лирической значить то, что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстротекущихъ мыслей расположить логически. Потому ода плана не терпитъ. Но безпорядокъ сей есть высокій безпорядокъ, или безпорядокъ правильный [13, с. 539]. Лирический беспорядок уже неоднократно находил свое отражение в произведениях Буало, Ломоносова, Сумарокова, но Державин говорит об отсутствии «плана», хотя ода состоит из определенных структурно-логических частей, то есть соответствует определенной риторической модели [16, С.164-168].

3) Объем оды строго не регламентировался, хотя думается, что автор выступает не против длины, а против лишних повторов. «Ода должна быть кратка, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ длинна; ибо предполагается, что возбуждена мгновеннымъ чувствомъ какого-либо предмета; а потому и не можетъ то чувство долго продолжаться въ равной силѣ» [13, с. 544].

4) Правдоподобие изображаемого в оде. «Поелику же истина одна даетъ вымысламъ вѣроятіе, а вымыслы истину только украшаютъ, то и надобно, чтобъ лирическая пѣснь содержала въ себѣ нѣкоторую правду, или былъ, а безъ того она не достигнетъ своего значенія» [13, с. 546].

5) Ода становится синтетическим жанром, поэтому поэзия должна быть музыкальной. «Любителямъ изящныхъ художествъ извѣстно, что поэзия и музыка есть разговоръ сердца; что ищутъ онѣ побѣдъ единственно надъ сердцами такимъ образомъ, когда нѣжныя струны ихъ созвучностию своею въ нихъ отзываются» [13, с. 571].

Обратим внимание на такой внериторический принцип лирической оды Державина как «вдохновение». Исходя из лирических установок, ода должна писаться в тот момент, когда поэт находится под влиянием страсти, переживает восторг и восхищение. То есть поэт для написания, например, оды на случай (день рождения, смерть, бракосоче-

тание и т.д.) просто должен пережить сильный эмоциональный всплеск, иначе ода писаться не должна. Так ли просто это сделать? Почти полвека жанр оды в России представлял собой либо результат творчества отдельных мастеров, действовавших от себя в рамках торжественного протокола, либо фабрику комплиментарных од от Академии наук. Державин же выступает за искренность чувств и истинность страсти, лежащей в основе одических отношений, она не создается по писаному, она – живое чувство.

Практическим воплощением одической реформы Державина, которая была озвучена задолго до «Рассуждения» еще в 1767 году, становится «Ода Екатерине II». Державин сохраняет внешнюю форму оды: традицию четырехстопного ямба и десятистишье. Воспроизводит свойственные для жанра торжественной оды «общие места»: мифологические образы (Музы, Парнасс, Фемиды), тему Петра Великого, прославление императрицы (равнодушна к славе, трудолюбива, заботлива, законопослушна, избавила народ от кровопролития, распространяет науки среди молодежи). Наряду с этими уже устоявшимися одическими чертами Державин поэтическим языком отвергает риторически приличные для оды характеристики, как-то витийственный стиль и «пышныя пареньи», аргументируя это тем, что в подобном высоком антураже нуждаются лишь неискренние, полные лестии комплименты:

Но если пышныя пареньи
Однимъ искусствомъ, въ восхищеньи,
Сердца, безъ истины, плѣняютъ;
То въ вѣки будущихъ премѣнъ
Въ подобны басни ихъ вмѣняютъ,
Что пѣлъ Гомеръ своихъ временъ [17, с. 242].

Твои, монархиня, доброты,
Любовь, судъ, милость и щедроты
Безъ украшеніевъ сіяютъ!
Поди ты прочь, витійский громъ!
А я, что Россы ощущають,

Лишь то моимъ пою стихомъ [17, с. 242].

Отсюда, совершенно иная трактовка «истины святой», которую поэт считает главным источником вдохновения, а вовсе не дар Аполлона по обыновению предшественников Державина. Как и Буало, призывавший к изображению испытанных чувств, поэт через весь текст оды проходит лейтмотив настоящего, естественного восхищения. Появляются символические образы царицы в виде «той пернатой, // Что кровь свою изъ персей льетъ» или «стрельца, оружием снабженного», которые одинаково указывают на заботу Екатерины о своем народе, о способе ее прихода к власти и непрестанным попыткам остановить кровопролитие [17, с. 243-244].

Среди од Державина встречаются и те, которые буквально повторяют классические образцы, причем написанные в разные временные промежутки и скорее символизирующие способность по-

эта к наследованию традиций. В сборнике «Читалагские оды» (1774), который отличается тем, что содержит переводные и оригинальные произведения, содержится еще один образец, посвященный сорокапятилетию Екатерины II, – «Ода на день рождения Ея Величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 года». Это произведение стало ярчайшим образцом канонического жанра торжественной оды в духе М.В. Ломоносова, как стилистически, так и содержательно. При этом автор не упустил возможности еще раз обозначить свое отношение к выражению только настоящих чувств и эмоций по отношению к предмету оды:

Тобою паче просвѣщенны,
Мы баснями тебя не чтимъ;
А если къ онымъ прибѣгаемъ,
Живѣй лишь мысль представить чаемъ,
Въ тебѣ его что образъ зримъ [17, с. 34].

Еще одним свидетельством поклонения Державина одическому творчеству Ломоносова можно назвать «Оду на взятие Измаила» (1790), которая в лучших традициях торжественных од «на победу в сражениях» воспроизводит исторические подробности хода битвы под Измаилом, прославляет российский народ и любимую им царицу. Ода содержала тридцать восемь строф, по своему стилю едва отличимых от ломоносовских, и принесла автору не только славу, но и восхищение императрицы.

Незначительным отступлением от жанровых канонов является стихотворение высокого содержания «На побѣды Екатерины II надъ турками» (1772), которое отличается отсутствием классической наполненности оды. Это возвышенно-художественный синопсис побед русского народа в русско-турецкой войне 1768 – 1774 гг., изобилующий мифологическими образами, фамилиями главнокомандующих, отмеченными победами географическими названиями и демонстрирующий принципы краткости, правдоподобия и высоты:

Екатеринѣ, зная, положено судьбами,
Чтобъ не стесалъ Босфоръ Магмета предъ ра-
бами! [18, с. 15]

Ярким и неожиданным явлением в русской литературе стала «Фелица» (1782), написанная по этому по совершенно не торжественному поводу – публикация «Сказки о царевиче Хлоре» под авторством Екатерины II в 1781 году, которая помогла воплотить авторский замысел в жизнь. Сама идея представить царицу в сказочном образе богини блаженства Фелицы, окруженной мурзами, аллегорична. Державин писал: «Иносказаніе <>, когда поэтъ, скрывая подлинное свое о немъ мнѣніе, показываетъ принадлежностью его, какъ-бы подъ рукою, истинныя его доброты, или пороки, лаская тонкимъ образомъ чьему-либо самолюбію, или издѣваясь надъ онимъ...» [13, с. 563]. Описцы традиционно обожествляли монархов, воспевали их мудрость и таланты, используя при этом иносказанія, но в данном случае прием аллегории был положен Державиным как смыслообразующий в основу «Фелицы» во главе со сказочной царицей, господствующей в вымышленном государстве, что было не свойственно классической оде:

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?

Гдѣ, вѣтъвъ небесная, цвѣтешъ?

В Багдадѣ – Смирнѣ – Кашемирѣ? [18, с. 148]

Кроме того сам поэт отмечал в своем «Рассуждении», что оде приличествует «необыкновенность чувствъ и выражений <>, когда поэтъ неслыханными прежде на его языкѣ изреченіями, подобіями, чувствами или картинами поражаетъ и восхищаетъ слушателей, излагая мысли свои въ прямомъ или переносномъ смыслѣ» [13, с. 567]. Отличает данное произведение от одического канона отсутствие высокого парящего стиля и одического восторга.

Д.В. Ларкович обращает внимание на характерный способ повествования в оде: «Поэт сознательно отходит от канонической чистоты одического стиля и ориентирует дискурсивный строй «Фелицы» на разговорную модель, нередко используемую в жанре стихотворной сказки (новеллы), которой присущи тематическое, стилевое и интонационное многообразие» [3, с. 18]. Автор в тексте оды выступает не в роли рассказчика и восторженного певца комплиментов, а в качестве полноценного героя, который просит совета, размышляет, перевоплощается и при этом простым слогом описывает человеческие качества Екатерины, держась совершенно непосредственно:

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ нами
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра [18, с. 133].

Вслед за Д.В. Ларковичем, Н.Ю. Алексеевой мы утверждаем, что «Фелица» – доказательство жанрового синтеза, когда комплиментарная ода содержит в себе черты сатиры и литературной сказки, так как Державин, неординарным способом превознося царицу, параллельно обнажает пороки и недостатки ее подданных, иногда укоряя их:

Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезныхъ дней проводишь токъ.
А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преображая въ праздникъ будни,

Кружу въ химерахъ мысль мою... [18, с. 134].

Сопоставим две торжественные оды Державина на случай рождения престолонаследников, написанные с разницей в двадцать один год, – «На рождение в севере порфирородного отрока» (1777) и «На рождение Великого Князя Михаила Павловича» (1798). Заметим, что два этих образца можно назвать мини-одами, поскольку, сохраняя мотивы и стилистические характеристики классической оды, они состоят всего из соответственно одиннадцати и десяти восьмистиший, что на практике воплощает принцип краткости по Державину: «Поелику высокая ода наполняется горячимъ, сильнымъ чувствомъ, то и разумѣется, что ода должна быть

кратка, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ длинна...» [13, с. 544]. В одах, посвященных рождению престолонаследников («На рождение великой княжны Ольги Павловны» 1792), датированных XVIII столетием, поэт был не слишком многословен: младенцу – маленькое стихотворение.

Итак, по случаю рождения Александра Павловича в 1777 году Державин, прежде чем опубликовать оду переписывает ее несколько раз, упражняясь в стиле, как дает в пояснениях Я. Грот: «На это событие онъ тогда же сочинилъ оду въ Ломоносовскомъ вкусѣ; но находя, что она не соответствуетъ его собственному дарованію, онъ ее уничтожилъ и потомъ написалъ эти стихи, которые самъ онъ называетъ «аллегорическимъ сочиненіемъ» [18, с. 82]. По мнению Алексеевой, это стихотворение совмещает в себе черты русской классической и анакреонтической оды, так как в основу положено торжественное событие, обыгранное автором при помощи сказочных мотивов и мифологических образов. Рождение Александра смягчает даже суровый северный ветер: «Родился – и въ ту минуту // Пересталъ ревѣть Борей» [18, с. 83]. Как в популярном сказочном сюжете наследнику были принесены дары от духов, покровительствующих его роду, и бескрайняя Россия приняла будущего царя. Автор предрекает порфирородному отроку лучшие качества и провозглашает божественность его происхождения:

Онъ простеръ лишь дѣтски руки
Ужь порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи
Растворень Судебъ чертогъ,
Я подумалъ въ изумленьи:

Знать родился нѣкій Богъ! [18, с. 83].

Таким образом, Державин, снова экспериментируя с аллегорией, синтезируя жанры сказки, мифа, оды, тем самым обновляет риторическое содержание торжественной оды.

В 1798 году Державин пишет оду «На рождение Великого Князя Михаила Павловича», причем «ломоносовский вкус» его несколько не смущает. Данное стихотворение представляет собой сокращенную версию классической панегирической оды, обладающей традиционной для ораторской речи структурой, обозначенной в «Риторике» М.В. Ломоносова 1744 года:

1. Яркое и образное вступление, которое содержит метафорическое загадочное описание главного святого:

Куда, силъ грозныхъ воевода,
Надѣвъ огнепернатый шлемъ,
На бедро лучъ, съ небесна свода
Ты радужнымъ течешь путемъ? [19, с.150-151].

2. Тема оды – чудесный приход на землю архангела Михаила по случаю рождения престолонаследника – представляет собой аллегорическое обыгрывание имени новорожденного:

Дитя! симъ именемъ зовись;
Стань браней, мира на дорогуб;

Въ dospѣхи правды облекись;
Прими духъ мужества, духъ силы,
Лучъ свѣта, званье, образъ мой
И горняго паренья крылы:

Архангель я и пѣстунъ твой [19, с. 151].

3. Истолкование заслуг, которыми славится адресат оды, дается в виде предсказаний и уподобления славе далеких предков, например, Михаилу Федоровичу:

«Погаждь, вселенной Вседержитель!»
Взываетъ къ звѣздной вышинѣ,
«Да юный молніи носитель
Михаилъ древній будетъ мнѣ!
Пресѣкъ нестройство тотъ, крамолу,
Началомъ славы былъ моею,
А сей, подпорой ставъ престолу,
Да царствуетъ въ сердцахъ людей!» [19, с. 152].

4. Доказательства величия и славы героя носят предположительно доверительный характер, так как поэт изображает достоинства новорожденного наследника, которые станут залогом его славы и причиной народной любви лишь в будущем:

Смотри, надъ доломъ какъ летая,
Онъ зреть вкругъ змѣй и вержетъ громъ,
А тамъ, любовью нѣжной тая,
Птенцовъ жметъ кокошь подъ крыломъ.

Иль учить: «Ты порфиророденъ,
Прямой твой долгъ есть долгъ небесъ:
И міра царь есть рабъ Господень,
Взыщи премудрости словесъ:
Священна доблестъ — право къ власти;
Лишь правда — надъ вселенной царь;
Благоволеньемъ къ смертныхъ части
Всевышній зиждетъ свой алтарь» [19, с. 154]

5. Заключение содержит традиционные призывы к благостному взрослению:

Подъ кровомъ ангельскимъ, небеснымъ,
Отца и матери рукой
Расти, дитя, расти прелестнымъ,
А возмужавъ, явись герой!
Страна твоя сильна, преславна,
Обширно поле, гдѣ парить;
Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространнае,
Гдѣ бь можно столь добра творить! [19, с. 155].

Несмотря на структурно-композиционное соответствие данной оды панегирику и высокий слог оды, нельзя не отметить своеобразие авторского подхода и художественного замысла.

Выводы и предложения.

Исследование одического творчества Державина позволяет утверждать, что автор опирался на опыт античной, французской, немецкой и русской стихотворной традиций. Его поэзия воплощала тонкую грань между риторическими канонами и блестящим выражением чувств, при этом, он, то следовал классицистическим правилам, то нарушал их. Феномен поэтического творчества Державина в том, что большинство его лирических произведений – это уход от риторик, схематизма и искусственности, черты и признаки которых он лично

обозначил в своем «Рассуждении» в завершении творчества.

Так, на основании анализа од Державина в соответствии с русскими риториками и поэтиками XVIII столетия, в том числе руководством самого Державина, можно отметить модификацию жанра торжественной оды, которая характеризуется следующими признаками:

1. Изменение дискурсивной направленности оды: не публицическая, а лично ориентированная (от автора к адресату).

2. Частичный отказ от высокого парения и одического восторга.

3. Вариативное нарушение одической структуры: отсутствие плана.

4. Переменный отказ от использования традиционных одических топосов.

5. Синтез жанров в рамках торжественной оды.

6. Вдохновение как обязательное условие для создания оды.

Среди одических образцов державинской лирики яркими примерами жанровой модификации являются оды «Фелица», «На рождение в севере порфиородного отрока». Эти лирические произведения – не только проявление яркой творческой индивидуальности, но и свидетельство перехода поэзии от классицизма к предромантизму.

Список литературы:

1. Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII-XVIII веках. М.: Наука, 2005. 371 с.

2. Петров А.В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века: автореферат диссертации. М., 2006. 39 с.

3. Ларкович Д.В. Феномен авторского сознания Г.Р. Державина в контексте русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX века: автореферат диссертации. Екатеринбург, 2012.

4. Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. Москва: Языки русской культуры, 2001. 352 с.

5. Стенник Ю.В. Ломоносов и Державин. // Ломоносов и русская литература. М.: «Наука», 1987. С. 235–267.

6. Полякова Л.В. Г.Р. Державин: к концепции современного прочтения поэтического творчества // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. Вып. 7 (63). С. 23.

7. Аверинцев С.С. Поэзия Державина // Из истории русской культуры. Том IV (XVIII – начало XIX века). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 832 с.

8. Левицкий А.А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век : сб. 20. СПб., 1996. С. 47–71.

9. Большая советская энциклопедия: под ред. А.М. Прохорова. М.: Сов. энциклопедия, 1969—1978.

URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F#ixzz4n4eZwNUh> (дата обращения: 17.07.2017)

10. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.

11. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 1: Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.

12. Кистанова А.В. Жанр оды в теоретической рефлексии английских поэтов XVII – XVIII веков (А. Каули, У. Конгрив, Э. Юнг). // LIBRI MAGISTRI: вып. 1. Магнитогорск: ИЦ МГТУ, 2015. 196 с.

13. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1864-1883. Т. 7: Сочинения в прозе. 1872. 778 с.

14. Западов В.А. Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии». // XVIII век: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Сборник 15. Л.: «Наука», 1986. С.229–282.

15. Западов В.А. Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г.Р. Державина. // XVIII век: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Сборник 16. Л.: «Наука», 1989. С. 289–318.

16. Волик Н.А. Торжественная ода М. В. Ломоносова в русской литературе XVIII века и ее взаимодействие с риторическими руководствами. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». Вип. 75. Харьков: Видавництво Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, 2016. С. 164–168.

17. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1864-1883. Т. 3.: Стихотворения. Часть III. 1866. 808 с.

18. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1864-1883. Т. 1.: Стихотворения. Часть I. 1864. 872 с.

19. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1864-1883. Т. 2.: Стихотворения. Часть II. 1865. 752 с.